

УДК 276

Каширина Варвара Викторовна,
доктор филологических наук

Kashirina V. V.
Doctor of Philological Sciences

ПРЕПОДОБНЫЙ ВАРСОНОФИЙ ОПТИНСКИЙ О ПОДВИГЕ ЗАТВОРА СЯТИТЕЛЯ ФЕОФАНА

THE VENERABLE BARSANUPHIUS OF OPTINA ABOUT THE HEROISM OF THE GATE OF ST. THEOPHAN

Аннотация. Известный исследователь духовного наследия Феофана Затворника архим. Георгий (Тертышников) называл затвор святителя «центром» его духовной жизни, где «явились во всей силе его великие труды и подвиги». Духовному подвигу святителя в затворе посвящено стихотворение прп. Варсонофия Оптинского «Памяти в Бозе почившего епископа Феофана Затворника». В этом стихотворении святой говорит о святом, прославляет его подвиги, назидается его творениями и молитвенно чтит его память. В стихотворении рефреном проходит слово «блажен», которое свидетельствует о высокой духовной жизни подвижника. Стихотворение имеет четыре части, выделенных самим автором. Несколько раз прп. Варсонофий называет затвор святителя — таинственным, сокрытым от людей, но ведомым Богу. Цель затвора, как и богоугодной жизни вообще, о чем писал и святитель в своих творениях, — это Богообщение. Основное значение литературных трудов святителя Феофана прп. Варсонофий видит в духовном пробуждении людей, возвращение их под «кров родной из области духовного изгнания».

Abstract. Archimandrite George (Tertyshnikov), a well-known researcher of the spiritual heritage of Theophan the Recluse, called the Saint's recluse the «center» of his spiritual life, where «his great works

and exploits were manifested in all their power». A poem by the monk Varsonofy of Optina «To the memory of the late Bishop Theophan the Recluse in Bose» is dedicated to the spiritual feat of the Saint in seclusion. In this poem, the Saint speaks of the Saint, praises his exploits, edifies his creations, and prayerfully honors his memory. In the poem, the refrain is the word «blessed», which indicates the high spiritual life of the ascetic. The poem has 4 parts, highlighted by the author himself. Several times the monk Barsanophios called the gate of Saint mysterious, hidden from people, but a slave to God. The purpose of the shutter, as well as of God — pleasing life in General, is communion with God. The author sees the main significance of the literary works of Saint Theophan in the spiritual awakening of people, their return to the «shelter of their native land from the area of spiritual exile».

Ключевые слова: святитель Феофан Затворник, преподобный Варсонофий Оптинский, Вышенская пустынь, затвор.

Key words: St. Theophan the Recluse, also known as «Theophan Zatvornik», the venerable Barsanuphius of Optina, Vyshenskaya desert, the shutter.

По мнению известного исследователя духовного наследия святителя архим. Георгия (Тертышников), «время затвора — важнейший период, можно сказать, центр жизни преосвященного Феофана, ибо именно тогда по преимуществу явились во всей силе его великие труды и подвиги...» [4, с. 82].

Стихотворение прп. Варсонофия Оптинского «Памяти в Бозе почившего епископа Феофана Затворника» (+6 января 1894 года), посвященное духовным подвигам святителя, — это «веночек на могилу» вышенского подвижника, в котором содержится оценка его подвигов, данная оптинским духоносным старцем, носителем оптинской духовной традиции, прославленным ныне в лике святых. В этом стихотворении святой говорит о святом, прославляет его подвиги, назидается его творениями и молитвенно чтит его память.

В Иоанно-Предтеченском скиту Оптиной пустыни прп. Варсо-

нофий написал несколько стихотворений, посвященных памяти великих русских подвижников, своих современников: «Памяти в Бозе почившего старца Оптиной Пустыни иеросхимонаха отца Амвросия», «Памяти старца Оптиной пустыни иеросхимонаха отца Анатолия, преемника и носителя старческих заветов после кончины старца иеросхимонаха отца Амвросия» (25 января 1894 г.) и «Памяти в Бозе почившего епископа Феофана Затворника» (+6 января 1894 года).

Стихотворные посвящения трем известным старцам были обусловлены их духовной общностью, а также желанием автора рассказать своим современникам и потомкам о духовном значении их подвига для Русской Православной Церкви.

В стихотворении «Памяти в Бозе почившего старца Оптиной Пустыни иеросхимонаха отца Амвросия» прп. Варсонофий с сыновьей любовью вспоминает старца, который благословил его на монашество. В стихотворении рефреном проходит слово «блажен», которое свидетельствует о высокой духовной жизни подвижника, который всей своей жизнью «соблюл евангельский глагол» и удостоился войти в «Обитель вечной красоты, где в славе царствует Спаситель».

В стихотворении, посвященном преподобному Анатолию (Зерцалову), почившему, как и святитель Феофан, в 1894 г., прп. Варсонофий, как свидетель высокой молитвенной жизни своего собрата по скитской жизни, пишет, что старец Анатолий «...как ангел небесный служил, полный веры пред Господом Сил, как светильник сияя среди нас!», и просит молитв старца Анатолия за всех у Престола Всевышнего.

Стихотворение «Памяти в Бозе почившего епископа Феофана Затворника» — самое обширное из стихотворных посвящений современникам-подвижникам.

Стихотворение имеет 4 части, выделенных самим автором.

В первой части подвиг святителя Феофана сопоставляется с духовным подвигом прп. Амвросия Оптинского. Подвижники названы «борцами», «духовными великанами», которые противопоставляются сынам «века буйного духовного растленья», чьим кумиром является «золото, земные наслажденья, а не стремление в небеса», а также материалистам, которые затвор считают бесплодным, по их мнению:

Для благотворного полезного труда
Не вера нам нужна, потребно знанье.
Прошла пора бесцельного, пустого созерцанья;
Иная нас теперь ведет звезда,
Иной рычаг отныне движет мир.

Во второй части, одной из самых важных в смысловом плане, описывается затвор святителя Феофана. Детально описана келья святителя, хотя известно, что прп. Варсонофий никогда там не был.

Убогой скудости, смиренной простоты
Являло вид его уединенье.
На всем следы сурового лишения,
И нет предметов в ней тщеславной суеты.
Лишь всюду видны груды книг —
Отцов святых великие творенья,
Что будят в нас небесные стремленья,
Освобождая дух от чувственных вериг.

Именно эта келья явилась немой свидетельницей «безмолвной тайны» затвора святителя.

Можно предположить, что прп. Варсонофий прочитал воспоминания очевидца, который посетил келью сразу после кончины святителя. Именно такое подробное описание кельи было приведено в статье неизвестного автора «В келье затворника», опубликованной в апреле 1894 г. в журнале «Душеполезное чтение» [1]. Уникальность этих воспоминаний в том, что они написаны сразу после кончины святителя, когда в его покоях проводился разбор вещей. Вся обстановка в келье в то время была полностью сохранна.

Вслед за автором читатели впервые смогли познакомиться с внутренним устройством кельи, которая была расположена на втором этаже монастырской просворни. «Стены деревянные, без обоев, несколько потемневшие от времени. Мебель и вся обстановка до последней крайности простые и ветхие. Шкаф с угольником из простого дерева, оцененный в один рубль... Комод — в два рубля... Простой стол, ветхий... Складной аналой, ветхий...

Железная кровать, складная, ценою в один рубль... Диваны березового дерева, с жестяными сидениями — все ценною три рубля сер... Все остальное в таком же роде...» [1, с. 687].

В келье было много вещей, которые свидетельствовали о разносторонних знаниях святителя: два ящика с инструментами, токарными, столярными, переплетными, палитра для красок и кисти. Фотографический аппарат, станок для выпиливания из дерева, верстак, токарные станки. Телескоп. Два микроскопа, анатомический атлас, шесть атласов географии общей, церковной и библейской.

Автор был поражен огромной библиотекой, которая располагалась в отдельной комнате: «А какое громадное собрание книг! Всюду книги, книги, целые груды книг... Вот история России Соловьева, всемирная история Шлоссера, сочинения Гегеля, Фихте, Якоби... Но подавляющее большинство книг духовного содержания: почти все духовные журналы, творения великих отцов и учителей церкви: св. Григория Богослова, св. Василия Великого, св. Иоанна Златоуста, Исаака Сирианина, св. Нила Сорского, св. Тихона Задонского, св. Димитрия Ростовского и многих, многих других великих наставников и подвижников... Четьи-Минеи и прологи на греческом языке, Четьи-Минеи св. Димитрия Ростовского... Много книг богословского и церковно-исторического содержания на французском, немецком и английском языках, например, Богословская энциклопедия на французском языке в 150 томах» [1, с. 699].

Также подробно описывались произведения иконописи, принадлежащие перу святителя Феофана Затворника: «Святитель любил священное искусство иконописания и сам был хороший художник. Нося в душе образы иного, высшего небесного мира он, видимо, желал окружить себя и на земле их светлыми отражениями. Какое изобилие икон и картин священного содержания! Большинство, если не все, из них, вероятно писаны его святительской рукой. „Распятие“, „Воскресение Христово“, „Снятие со креста“, „Спаситель в терновом венце“ — на полотне, образ Спасителя во весь рост, Божией Матери — во весь рост на дсках, „Богоявление“ — на полотне, образ святителя Тихона во весь рост — неоконченный немного, иконы св. Митрофания Воронежского,

свв. Антония и Феодосия, св. Александра Невского... и много других картин и икон на полотне и досках. Есть и портреты, например, Серафима Саровского... К двум предметам особенно часто возвращалось художественное творчество почившего: к изображению св. Тихона Задонского и Богоявления» [1, с. 699].

Отдельно автор описывает «церквицу» святителя, отмечая важную деталь: «...особенно трогательно — это то, что в алтаре близ жертвенника, на стене можно видеть висящий мешочек, весь наполненный записочками к преосвященному с просьбами помянуть в своих молитвах у престола Божия...» [1, с. 700].

В третьей части стихотворения описано молитвенное попечение святителя Феофана о России и служение ей своими литературными трудами.

«Потомству он оставил в назиданье
Свои творения — великие труды,
Ума бесстрастного высокие созданья
И дивных подвигов духовные плоды.
Одним они проникнуты стремленьем:
Исполнить света жизненный наш путь
И ревности святой огонь вдохнуть
В нас, обессиленных страстями и сомненьем.
Он уяснил в них путь душевного спасенья
И жизни христианской показал
Великое и дивное значенье».

Четвертая часть стихотворения исполнена глубокого лиризма и теплоты. Прп. Варсонофий описывает портрет святителя, который он внимательно рассматривает. Подробное описание позволяет говорить о том, что портрет святителя был хорошо знаком оптинской братии.

«В чертах святителя...
Видим мы печать сердечной чистоты
И кроткого блаженного смиренья
И отблеск чистых дум. Его черты
Исполнены святого умиленья,
Проникнуты они духовной красотой,
При виде их благие помышленья
Встают в душе и чувств небесных рой...»

Отдельно хотелось бы обратить внимание на несколько мыслей прп. Варсонофия о затворе.

Причиной ухода святителя Феофана в затвор называется спасительная «стезя безмолвия», «великий подвиг», который святитель совершил, «покорный высшему небесному велению», т. е. по воле Божией.

Цель затвора, как и богоугодной жизни вообще, о чем писал и святитель в своих творениях, — это Богообщение.

«Всего себя он Господу предал
И в Нем Едином высшее блаженство
Своей души всецело полагал».

Духовные плоды затворнического подвига — это очищение сердца и Богообщение:

«Подобно Ангелу, он Богу предстоял
И в сердце своем чистом основал
Нерукотворную Ему и светлую обитель...»

Достигнув Богообщения, «в безмолвии блаженство он обрел». Основное значение литературных трудов святителя Феофана прп. Варсонофий видит в духовном пробуждении людей, возвращение их под «кров родной из области духовного изгнания».

Несколько раз прп. Варсонофий называет затвор святителя таинственным, сокрытым от людей, но ведомым Богу.

Сам прп. Варсонофий хорошо знал житие и духовное устроение святителя Феофана, ему была близка его уединенная, затворническая жизнь.

28 июля 1909 г. ученик прп. Варсонофия Николай Беляев, впоследствии преподобноисповедник Никон Оптинский, записал: «Как-то Батюшка говорил мне, что бывает время, когда человек устает и неспособен ни к молитве, ни к письму, ни к чтению, — тогда пусть займется рукоделием, что и исполнял сам преосвященный на деле: он имел, кажется, токарный станок» [5, с. 265–266].

В феврале 1909 г. в минуты откровения прп. Варсонофий сказал Николаю, своему близкому ученику и сотаиннику:

«— Я вам, брат Николай, не раз уже говорил и еще скажу: приходит мне мысль — все бросить, уйти в какую-нибудь келью. Страшно становится жить, страшно. Только боюсь сам уйти, а

посоветоваться не с кем. Если бы жив был Батюшка о. Варнава, то поехал бы к нему, но его уже нет. А сам боюсь: боюсь, как боится часовой уйти с поста — расстреляют. В таком положении начинаешь понимать слова пророка Давида: „Спаси мя, Господи“. ...Если взять только одну часть фразы, то само собой разумеется, что никто не хочет погибели и не говорит: „Погуби меня, Господи“. Все и всегда могут сказать: „Спаси мя, Господи“. Но он далее прибавляет: „Яко оскуде преподобный“.

Не к кому обратиться, „Господи, спаси мя“. Только теперь мне становится понятным: отчего бежали св. отцы от мира, а ведь именно бежали... хочется и мне убежать в пустыню.

— Батюшка, — говорю я, — да как же одному бежать? Одному нельзя...

— Нет, — возразил очень твердо Батюшка, — нет, одному нельзя *самому*, а *одному с Богом* — можно. Вот, например, епископ Феофан долго и неоднократно пытался бросить все и удалиться в затвор, но не было на то воли Божией. Прямо как бы в ответ на свое желание он был перемещен на епископскую кафедру во Владимир. И только уже несколько лет спустя удалился в свою милую Вышу... Да... Когда-то и мы с Вами, Николай Митрофанович, будем на „Выше“? Рано или поздно ли, а надо... Что Вы скажете? Да, так-то, мой друг...» [5, с. 226].

Желание «таинственного» и великого затвора хранил в своем сердце прп. оптинский старец. И искренно желал всем иночествующим найти «свою Вышу», как он писал.

Видимо, по какому-то недоразумению, одно из самых глубоких стихотворений прп. Варсонофия Оптинского, посвященное памяти вышенского подвижника, не было включено составителями в «максимально полное издание духовного наследия схиархимандрита Варсонофия Оптинского», вышедшее в 2012 г. в Оптиной пустыни [3]. Конечно же, это большая потеря для издания.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. В келье затворника // Душеполезное чтение. 1894. Ч. I. Апрель. С. 687–702.
2. *Варсонофий Оптинский, прп.* Духовное наследие. Свято-Троицкая Сергиева лавра, 2005.

3. *Варсонофий Оптинский, прп.* Беседы. Келейные записки. Духовные стихотворения. Воспоминания. Письма. «Венок на могилу Батюшки». Изд. Введенский ставропигиальной мужской монастырь Оптиная пустынь, 2012.

4. *Георгий (Тертышников), архим.* Жизнь и деятельность Феофана Затворника, епископа Владимирского и Суздальского. Фес-салоники, 1994.

5. Дневник послушника Николая Беляева (преподобного оптинского старца Никона). М., 2004.